

Эльчин
Сафарли

когда я вернусь,
да и не проклятье ли —
вечное, неизменное
счастье?..
будь дома

Эльчин Сафарли

Когда я вернусь, будь дома

Серия «Бестселлеры Эльчина Сафарли»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26557985

Эльчин Сафарли. Когда я вернусь, будь дома: АСТ; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-982889-1

Аннотация

Теперь я отчетливее ощущаю вечность жизни. Никто не умрет, и те, кто любил друг друга в одной жизни, непременно встретятся после. Тело, имя, национальность – все будет иным, но нас притянет магнитом: любовь связывает навсегда. А пока что я проживаю жизнь – люблю и, бывает, устаю от любви. Запоминаю мгновения, бережно храню в себе эту память, чтобы завтра или в следующей жизни обо всем написать.

Издан в авторской редакции.

Содержание

Часть I	8
1	8
2	12
3	15
4	18
5	21
6	24
7	27
8	30
9	33
10	36
11	39
12	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Эльчин Сафарли

Когда я вернусь, будь дома

Фото на обложке: *Алена Мотовилова*

https://www.instagram.com/alen_fancy/

Фото автора на задней стороне обложки: *Дарья Норкина*

<http://darianorkina.com/>

© Сафарли Э., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Издательство благодарит литературное агентство «Amapola Book» за содействие в приобретении прав.

<http://amapolabook.com/>

Эльчин Сафарли – волонтер Фонда помощи бездомным животным «Сильная Лара». На фото он с Рейной. Эта некогда бездомная собака, парализованная от выстрела неизвестного, теперь живет в фонде. Мы верим, что совсем скоро наступит день, когда наша любимица обретёт дом.

Теперь я отчетливее ощущаю вечность жизни. Никто не умрет, и те, кто любил друг друга в одной жизни, непременно встретятся после. Тело, имя, национальность – все будет иным, но нас притянет магнитом: любовь связывает навсегда.

гда. А пока что я проживаю жизнь – люблю и, бывает, устаю от любви. Запоминаю мгновения, бережно храню в себе эту память, чтобы завтра или в следующей жизни обо всем написать.

A handwritten signature in blue ink, reading "Сафарич" (Safarich). The script is cursive and fluid, with the first letter 'С' being particularly large and stylized.

Моей семье

Иногда мне кажется, весь мир, вся жизнь, все на свете поселилось во мне и требует: будь нашим голосом. Я чувствую – ох, не знаю, как объяснить... Я чувствую, как это огромно, а начинаю говорить – выходит детский лепет. До чего трудная задача: передать чувство, ощущение такими словами, на бумаге или вслух, чтобы тот, кто читает или слушает, почувствовал или ощутил то же, что и ты.

Джсек Лондон

Часть I

Мы все когда-то вылезли на свет божий из соленой купели, ибо жизнь началась в море.

И теперь мы не можем жить без нее. Только теперь мы отдельно едим соль и отдельно пьем пресную воду. Наша лимфа имеет такой же солевой состав, как и морская вода. Море живет в каждом из нас, хотя мы давным-давно отделились от него.

И самый сухопутный человек носит в своей крови море, не зная об этом.

Наверное, потому так тянет людей смотреть на прибой, на бесконечную череду валов и слушать их вечный гул.

Это голос давней родины, это зов крови в полном смысле слова.

Виктор Конецкий

1

Не придумывай себе ад

Досту,

тут круглый год зима. Колкий северный ветер – он часто ворчит низким голосом, но, бывает, переходит на крик – не выпускает из плена белесую землю и ее жителей. Многие из

них с рождения не покидали этих краев, гордясь своей преданностью. Есть и те, кто из года в год убегает отсюда на другой берег океана. В основном шатенки с яркими ногтями.

В последние пять дней ноября, когда океан смиренно отступает, склоняя голову, они – с чемоданчиком в одной руке, с детьми в другой – спешат к причалу, закутавшись в коричневые плащи-мантии. Дамы – из тех, что преданы родине, – сквозь щели закрытых ставень провожают взглядом беглянок, ухмыляются – то ли из зависти, то ли от мудрости. «Придумали себе ад. Обесценили свою землю, полагая, что лучше там, куда еще не добрались».

Нам с твоей мамой тут хорошо. Вечерами она читает вслух книги о ветрах. Торжественным голосом, с гордым видом причастной к волшебству. В такие минуты Мария напоминает ведущих прогноза погоды.

«...Скорость достигает двадцати – сорока метров в секунду. Дует постоянно, охватывая широкую полосу побережья. По мере движения восходящих потоков ветер наблюдается на все более значительной части нижней тропосферы, поднимаясь вверх на несколько километров».

На столе перед ней стопка библиотечных книг и чайник липового чая, заваренного с сушеной апельсиновой коркой. «За что ты любишь этот неугомонный ветер?» – спрашиваю.

Возвращает чашку на блюдце, перелистывает страницу. «Он напоминает меня молодую».

Когда темнеет, на улицу почти не выхожу. Отсиживаюсь в нашем доме, где пахнет ройбушем, размягченной глиной и печеньем с малиновым джемом, твоим любимым. Оно всегда у нас есть, мама твою порцию убирает в шкаф: вдруг ты, как в детстве, вбежишь из знойного дня на кухню за базиликовым лимонадом и печеньем.

Не люблю темное время суток и темную воду океана – они гнетут тоской по тебе, Досту. Дома, рядом с Марией, мне легче, становлюсь к тебе ближе.

Не буду тебя расстраивать, расскажу о другом.

По утрам, до обеда, мама трудится в библиотеке. Книжки – единственное развлечение, все остальное почти недоступно из-за ветра, сырости и характера местных жителей. Есть танцевальный кружок, но туда мало кто ходит.

Я работаю в пекарне недалеко от дома, вымешиваю тесто. Вручную. Мы с Амиром, моим компаньоном, печем хлеб – белый, ржаной, с оливками, вялеными овощами и инжиром. Вкусный, тебе бы понравился. Не используем дрожжи, только натуральную закваску.

Досту, печь хлеб – подвиг трудолюбия и терпения. Это не так просто, как кажется со стороны. Не представляю себя без этого дела, я словно и не был человеком цифр.

Скучаю. Папа

Нам так много дано, а мы не ценим

Досту,

хочу познакомить тебя с теми, кто тут, подчас сам того не ведая, делает нас лучше. Разве имеет значение, что нам под семьдесят! Жизнь – постоянная работа над собой, которую никому не поручишь, и от нее, бывает, устаешь. Но знаешь, в чем секрет? В дороге каждый встречает тех, кто добрым словом, молчаливой поддержкой, накрытым столом помогает часть пути пройти легко, без потерь.

У Марса с утра хорошее настроение. Сегодня воскресенье, мы с Марией дома, на утреннюю прогулку пошли все вместе. Оделись потеплее, захватили термос с чаем, двинулись к заброшенному причалу, где в тихую погоду отдыхают чайки. Марс не распугивает птиц, ложится неподалеку и мечтательно на них поглядывает. Сшили ему теплую одежду, чтобы пузо не застудил.

Я спросил Марию, почему Марс, совсем как человек, любит наблюдать за птицами. «Они абсолютно свободны, по крайней мере, нам так кажется. А еще птицы подолгу могут быть там, где не важно, что произошло с тобой на земле».

Прости, Досту, заговорился, чуть не забыл познакомить тебя с Марсом. Наш пес – помесь таксы и дворняги, взяли его из приюта недоверчивым и запуганным. Отогрели, полюбили.

У него грустная история. Марс несколько лет провел в темном чулане, хозяин-нелюдь ставил над ним жестокие эксперименты. Психопат умер, а еле живую собаку обнаружили соседи, передали волонтерам.

Марс не может оставаться один, особенно в темное время суток, скулит. Вокруг него должно быть как можно больше народу. Беру его с собой на работу. Там, и не только, Марса любят, хоть он и угрюмый малый.

Почему мы назвали его Марсом? Из-за огненно-коричневой шерсти и характера, такого же сурового, как природа этой планеты. К тому же он хорошо чувствует себя на морозе, с удовольствием барахтается в сугробах. А планета Марс богата залежами водяного льда. Улавливаешь связь?

Когда мы возвращались с прогулки, снег усилился, прохода покрылись белыми наростами. Одни прохожие радовались снегопаду, другие бранились.

Досту, как же важно не мешать друг другу творить вол-

шебство, пусть и маленькое. У каждого оно свое – на листе бумаги, на кухне за приготовлением супа из красной чечевицы, в провинциальной больнице или на сцене притихшего зала.

Немало и тех, кто творит волшебство про себя, без слов, опасаясь выпустить его наружу.

Нельзя ставить под сомнение таланты ближнего; не стоит задергивать шторы, мешая кому-то наблюдать, как творит волшебство природа, заботливо укрывая крыши снегом.

Людям так много дается даром, а мы не ценим, думаем об оплате, требуем чеки, копим на черный день, упуская красоту настоящего.

Скучаю. Папа

3

Не забывай, куда плывет твой корабль

Досту,

наш белый дом стоит в тридцати четырех шагах от океана. Он много лет пустовал, дорожки к нему покрыты толстым слоем льда; дымоход был забит песком, перьями чаек, мышиным пометом; печь и стены стосковались по теплу; сквозь заиндевевшие оконные стекла океан вообще не читался.

Местные жители побаиваются дома, называя его «мечес», что переводится как «заражающий болью». «Те, кто в нем поселялся, попадали в тюрьму собственных страхов, сходили с ума». Глупые доводы не остановили нас от переезда в дом, в который влюбились, едва ступив на порог. Быть может, для кого-то он стал тюрьмой, для нас – освобождением.

Переехав, первым делом растопили печь, заварили чай, а наутро перекрасили отогревшиеся за ночь стены. Мама выбрала цвет «звездная ночь», что-то среднее между лавандовым и фиалковым. Нам он понравился, мы даже не стали развешивать по стенам картины.

Зато полки в гостиной заставлены детскими книгами, которые мы читали с тобой, Досту.

Помнишь, мама тебе говорила: «Если все наперекосяк, возьми в руки хорошую книгу, она поможет».

Издали наш дом сливается со снегом. Утром с вершины холма видны лишь бесконечная белизна, зеленоватая вода океана и коричневые отметины ржавых боков Озгюра. Это наш друг, знакомься, кладу в конверт его фотографию.

Для чужого это состарившееся рыболовное судно. Для нас – тот, кто напомнил, как важно с достоинством принимать перемены. Когда-то Озгюр блистал на могучих волнах, разбрасывая сети, теперь, усталый и смиренный, живет на суше. Он рад, что жив и может, хотя бы издали, видеть океан.

В каюте Озгюра я нашел ветхий бортовой журнал, испи-
санный занятыми мыслями на местном наречии. Кому принадлежат записи, неизвестно, но я решил, что так беседует с нами Озгюр.

Вчера спросил Озгюра, верит ли он в предопределенность. На третьей странице журнала получил ответ: «Нам не дана воля управлять временем, но только мы решаем, чем и как его наполнить».

В прошлом году сотрудники муниципалитета хотели отправить Озгюра на металлолом. Если бы не Мария, баркас бы погиб. Она перетащила его на наш участок.

Досту, прошлое и будущее не так важны, как настоящее. Этот мир – как ритуальный танец суфиев сема: одна рука повернута ладонью к небу, принимает благословение, другая – к земле, делится полученным.

Сохраняй молчание, когда все говорят, говори тогда, когда слова твои про любовь, даже сквозь слезы. Научись прощать тех, кто рядом, – так найдешь дорогу к прощению себя. Не суетись, но не забывай, куда плывет твой корабль. Может, он сбился с курса?..

Скучаю. Папа

4

Жизнь – это просто путь. Наслаждайся

Досту,

когда мы с чемоданами подъезжали к этому городу, единственную к нему дорогу накрыла выюга. Свирепая, слепящая, густо-белая. Ничего не видно. Стоявшие по обочинам сосны в порывах ветра хлестали машину, которую и без того опасно раскачивало.

За день до переезда заглянули в метеосводку: никаких намеков на бурю. Началась так же неожиданно, как прекратилась. Но в те мгновения казалось, что конца ей не будет.

Мария предложила вернуться. «Это знак, что сейчас не время ехать. Разворачивайся!» Обычно решительная и спокойная, мама вдруг запаниковала.

Я чуть было не сдался, но вспомнил, что будет за препятствием: полюбившийся белый дом, океан с необъятными волнами, аромат теплого хлеба на липовой доске, «Тюльпановое поле» Ван Гога в рамке на камине, морда Марса, до-

жидающегося нас в приюте, и еще много прекрасного, – и нажал на педаль газа. Вперед.

Вернись мы тогда в прошлое, многое бы упустили. Не было бы этих писем. Именно страх (а не зло, как часто полагают) не дает раскрыться любви. Так же, как волшебный дар может стать проклятьем, страх приносит разрушение, если не научиться им управлять.

Досту, как же интересно принимать жизненные уроки, когда возраст далеко не юный. Великое невежество человека – в его уверенности, что он все прочувствовал и пережил. Это (а не морщины и седина) – самые настоящие старость и смерть.

У нас есть друг, психолог Жан, познакомились в приюте. Мы забирали Марса, а он – бесхвостого рыжего кота. Недавно Жан опрашивал людей, довольны ли они своей жизнью. Большинство ответили положительно. Тогда Жан задавал следующий вопрос: «Хотите ли вы прожить, как живете, еще двести лет?» Респондентам перекашивало лица.

Люди устают от самих себя, пусть и радостных. Знаешь, почему? Они всегда ждут чего-то взамен – от обстоятельств, веры, поступков, любимых. «Это просто путь. Наслаждайтесь», – улыбается Жан и приглашает нас к себе на луковый суп. Договорились на следующее воскресенье. Ты с нами?

Скучаю. Папа

Мы все очень нужны друг другу

Досту,

луковый суп удался на славу. Интересно было следить за приготовлением, особенно – за моментом, когда натертые чесноком гренки Жан положил в горшочки с супом, посыпал грюйером и – в духовку. Через пару минут мы наслаждались soupe à l'oignon. Запивали белым вином.

Мы давно хотели попробовать луковый суп, но как-то не доводилось. С трудом верилось, что это вкусно: воспоминания о школьном бульоне с крупно нарезанным вареным луком не вызывали аппетита.

«По-моему, сами французы забыли, как правильно готовить классический soupe à l'oignon, и постоянно придумывают новые рецепты, один вкуснее другого. На самом деле главное в нем – карамелизация лука, которая получится, если брать сладкие сорта. Добавлять сахар – крайность! И, конечно, важно, с кем вы разделяете трапезу. Французы не едят лукового супа в одиночестве. „Для этого он слишком теплый и уютный“, – говорила моя Изабель».

Так звали бабушку Жана. Он был мальчиком, когда роди-

тели погибли в автокатастрофе, его воспитала Изабелль. Это была мудрая женщина. В день ее рождения Жан варит луковый суп, собирает друзей, с улыбкой вспоминает детство.

Жан из Барбизона, города на севере Франции, куда со всего мира приезжали художники писать пейзажи, в том числе Моне.

«Изабелль научила меня любить людей и помогать тем, кто не таков, как все. Может, потому, что такие люди в нашей тогда еще деревушке на тысячу жителей выделялись, и им приходилось чересчур тяжело. Изабелль объясняла мне, что „нормальные“ – это вымысел, выгодный власти предержащим, так они якобы демонстрируют нашу ничтожность и несоответствие вымышленному идеалу. Людьми, которые считают себя ущербными, легче управлять... В школу Изабелль провожала меня со словами: „Надеюсь, и сегодня ты встретишь себя уникального“».

...Это был волшебный вечер, Досту. Пространство вокруг нас наполнилось прекрасными историями, аппетитными ароматами, новыми оттенками вкуса. Мы сидели за накрытым столом, радио пело голосом Тони Беннетта “Life is beautiful”; в ногах сопели переезжавший Марс и рыжий тихоня Матис. Нас наполняло светлое умиротворение – жизнь продолжается.

Жан вспоминал Изабелль, мы с Марией – своих бабушек и дедушек. Мысленно говорили им спасибо и просили прощения. За то, что, взрослея, все меньше нуждались в их заботе. А они все равно любили, ждали.

Досту, в этом странном мире мы все очень нужны друг другу.

Скучаю. Папа

6

Наша единственная задача – любить жизнь

Досту,

у тебя наверняка случаются дежавю. Жан объясняет эти вспышки реинкарнацией: бессмертная душа в новом воплощении вспоминает то, что ощущала в предыдущем теле. «Так Вселенная подсказывает, что не надо бояться земной смерти, жизнь вечна». Сложно в это поверить.

За последние лет двадцать дежавю со мной не случалось. Зато вчера я ощутил, как точно повторилось мгновение моей молодости. Под вечер разыгралась буря, и мы с Амиром завершили дела раньше обычного: он поставил опару для утреннего хлеба, я потушил яблоки с корицей для слоек. Новинка нашей пекарни, полюбившаяся клиентам. Слоеное тесто готовится быстро, поэтому обычно с вечера делаем только начинку.

К семи пекарню заперли.

В задумчивости шел я домой вдоль бушующего океана.

Вдруг по лицу хлестнула колючая вьюга. Защищаясь, я закрыл глаза и неожиданно перенесся в воспоминания пятидесятилетней давности.

Мне восемнадцать. Война. Наш батальон обороняет границу на горе с хребтом длиной в семьдесят километров. Минус двадцать. После ночного наступления нас осталось мало. Несмотря на ранение в правое плечо, не могу бросить пост. Еда закончилась, вода на исходе, приказ – дожидаться утра. Подкрепление в пути. В любой момент враг может выкосить остатки батальона.

Замерзший и обессиленный, временами почти теряя сознание от боли, я стоял на посту. Буря свирепствовала, не утихая, хлестала меня со всех сторон.

Досту, тогда я впервые познал отчаянье. Медленно, неотвратно оно овладевает тобой изнутри, и ты не можешь ему сопротивляться. В такие минуты даже на молитве не сосредоточиться. Ждешь. Спасения или конца.

Знаешь, что меня тогда удержало? История из детства. Прячась под столом на одной из взрослых посиделок, я услышал ее от бабушки Анны. Работая медсестрой, она пережила блокаду Ленинграда.

Бабушка вспоминала, как однажды во время длительного

обстрела повариха в бомбоубежище варила на горелке суп. Из того, что смогли собрать: кто картофелину дал, кто луковицу, кто горстку крупы из довоенных запасов. Когда было почти готово, она сняла крышку, попробовала, подсолила, вернула крышку на место: «Еще пять минуточек, и готово!» Истощенные люди стали в очередь за похлебкой.

Но есть тот суп они не смогли. Оказалось, что в него попало хозяйственное мыло: повариха не заметила, как оно прилипло к крышке, когда положила ее на стол. Еда была испорчена. Повариха расплакалась. Никто не заикнулся, не упрекнул, не взглянул с укором. В тяжелейших обстоятельствах люди не теряли человечности.

Тогда, на посту, я снова и снова вспоминал эту историю, рассказанную голосом Анны. Выстоял. Настало утро, подоспела подмога. Меня увезли в госпиталь.

Досту, человеку не дано полностью познать жизнь, как бы он ни пытался. Нам кажется, мы понимаем, что, как и почему устроено. Но каждый новый день его серпантины и развязки доказывают обратное – мы всегда за партой. И единственная задача – любить жизнь.

Скучаю. Папа

Я буду тебя ждать сколько понадобится

Досту,

когда я познакомился с твоей мамой, она была замужем. Ей двадцать семь, мне тридцать два. Сразу признался ей в своих чувствах. «Буду вас ждать сколько понадобится». Продолжал приходить в библиотеку, где она работала, брал книги, но и только. Ждал Марию четыре года, хотя она не обещала, что придет.

Позже узнал: она думала, я остыну, переключусь на другую. Но я был непреклонен. Это не любовь с первого взгляда, а минута, когда видишь человека и понимаешь: вот он – тот самый. В первую же нашу встречу я решил, что эта девушка с каштановыми волосами будет моей женой. Так и случилось.

Я ждал ее саму, но ничего не ждал от нее. Ни того, что она родит мне детей и наполнит уютом дом; ни того, что продолжит идти по дороге, которая нас свела. Глубокая уверенность, что мы будем вместе при любых обстоятельствах, отметала все сомнения.

Встреча с Марией – это отсутствие колебаний даже тогда, когда казалось, что надежды нет.

Я знал, что наши жизни пересекутся, не переставал в это верить, хотя поводов усомниться было предостаточно.

Встречи со своим человеком достоин каждый, но не у всех она случается. Одни не дают окрепнуть воле и теряют веру, другие, разочаровавшись, замечают только неудачный опыт прошлого, а кто-то и вовсе не ждет, довольствуясь тем, что есть.

Твое рождение укрепило нашу с Марией связь. Это был еще один подарок Судьбы. Мы настолько были увлечены друг другом и работой (любовь есть прекрасное соединение дружбы и страсти), что мысль о ребенке не приходила нам в голову. И вдруг жизнь послала нам чудо. Тебя. Наши души и тела соединились, слились в одно целое, и общим стал путь. Мы как могли старались любить, оберегать тебя, однако без ошибок не обошлось.

Помню, как Мария, укачивая тебя, переживала: «В ней все так быстро меняется, что я как никогда раньше мечтаю остановить время». Ничто не дарило нам большего счастья, чем видеть, как ты, сонная кроха, открываешь глаза, смотришь на нас и улыбаешься тому, что мы – твои папа и мама.

Досту, барьеры на пути к счастью – иллюзия подсознания, страхи – пустые тревобления, а мечта – наше настоящее. Она и есть реальность.

Скучаю. Папа

Безумие наполовину состоит из мудрости, мудрость – из безумия

Досту,

еще недавно в нашей пекарне работал Умид, добродушный парнишка-бунтарь. Он разносил выпечку по домам. Клиенты его любили, особенно старшее поколение. Он был услужлив, хотя и редко улыбался. Умид напоминал меня лет в двадцать – вулкан внутреннего протеста, вот-вот прорвется наружу.

Умид воспитывался в католической школе, мечтал стать священником. В пору взросления бросил учебу, ушел из дома. «Многие верующие выдают себя за тех, кем не являются».

Позавчера Умид сообщил, что увольняется. Переезжает.

«Не хочу жить в этом проклятом городе. Осточертело называть его уродство уникальностью, а лицемерие общества – свойством менталитета. Вам, приезжим, не видно, насколько тут все прогнило. И вечная зима – не особенность географии».

ческого положения, а проклятье. Посмотрите на наше правительство, оно только и делает, что разглагольствует о любви к родине. Если заговорили о патриотизме, значит, проворовались. Но мы сами виноваты: когда они себя избирали, мы с попкорном сидели у телевизора».

Амир уговаривал Умида хорошенько подумать, я отмалчивался. Прекрасно помню себя подростком – меня ничто не могло остановить. Импульсивные решения помогли сдвинуться с места.

Досту, ты знала, что мой дедушка Барыш был учителем в духовной семинарии? Мы с ним не раз беседовали о Боге. Я ощущал над собой высшую силу, но религиозные догмы вызывали во мне отторжение.

Однажды, взбудораженный спокойной реакцией Барыша на очередную школьную несправедливость, я выпалил: «Деда, чушь, что все и всегда вовремя! Наша воля слишком многое определяет. Не существует ни чуда, ни предопределенности. Все – только воля».

Барыш похлопал меня по плечу. «Твои слова подтверждают, что у каждого свой способ идти по жизни. Лет сорок назад я согласился бы с тобой безоглядно, теперь же понимаю, что Всевышний неизменно рядом и что все именно в Его

воле. А мы лишь дети – кто настойчив, созидателен, целеустремлен, кто, напротив, чистый созерцатель. Однако мы таковы, какими видимся свыше».

Тогда слова деда показались мне выдумкой, однако с годами все чаще к ним обращался. Не от желания найти успокоение в высшем, а от осознания того, что в этом мире все в равновесии: безумие наполовину состоит из мудрости, мудрость – из безумия.

Умида уговорить не удалось. Ему нужно было уехать, чтобы понять: порой невозможно не любить людей, даже если они видятся плохими.

Скучаю. Папа

Забудь о времени, и всё сложится

Досту,

сегодня у меня наконец получился литовский хлеб. Которую неделю пробовал его испечь – не удавалось. То слишком сладкий, то чрезмерно кислый. В этом хлебе изначально высокая кислотность, которую уравнивают медом, – вот я и не мог найти золотую середину. Не давалась и расстойка теста – из трещин в готовом батоне выпирал мякиш.

Амир пояснил, что тесто по литовскому рецепту чувствительно, требует полной вовлеченности в процесс. Во время замеса нельзя отвлекаться. «Забудь о времени, и всё сложится». Попробовал. Хлеб вышел отменным, цельным, на вид шоколадно-аппетитным. На второй-третий день стал получаться еще вкуснее. Тебе бы понравился, Досту.

Причина наших разочарований часто в том, что нас нет в настоящем, мы заняты воспоминаниями или ожиданием.

Я всегда тебя торопил, дочь. Прости. Мне хотелось, чтобы ты успела как можно больше. Может, из-за того, что в своем детстве я многое упустил? Послевоенное время, заново

отстраивали школы и библиотеки. Во мне жило столько желаний – учиться, узнавать, постигать, – но возможностей не было.

Боялся, что ребенок повторит мою судьбу.

Мучил тебя спешкой, тогда как с малых лет у тебя свой особенный ритм. Поначалу тревожила твоя медлительность, потом заметил: Досту все успевает.

Помнишь, как Лиза Бруновна, учитель начальных классов, назвала тебя «мудрой черепашкой»? Ты не обиделась. Наоборот, улыбнулась, попросила нас на день рождения подарить тебе аквариумную черепашку, чтобы назвать ее своим именем.

Ты учила нас с Марией ценить мгновение. Мы этого не понимали, работали, как загнанные лошади, старались успеть все и сразу. Нам нужно было расстаться с тобой, столкнуться с пустотой, переехать сюда, чтобы осознать – пропасть лет мы не оставляли себе времени остановиться и почувствовать, как многое проскальзывает у нас меж пальцев: тишина, покой, переходы из одного состояния в другое.

Тут, в Городе вечной зимы, есть народная мудрость: «Никого нельзя привести туда, куда он сам еще не дошел».

Недавно вычитал, что обычно люди отождествляют себя исключительно с действием: стремятся забыть о смерти, точнее, о своем перед ней страхе. Погоня за новыми достижениями, впечатлениями помогает уйти от печальных мыслей.

Убегать бесполезно! Страх будет нарастать, давить до тех пор, пока не согласишься ему в глаза. А как согласишься — поймешь, что страшного нет.

Скучаю. Папа

Я так хочу обнять тебя

Досту,

среди написанных тебе писем есть те, что не решаюсь отправить. Они на такой же бумаге, в таких же конвертах, как остальные, но о другом. Об отчаянье. Я его не стесняюсь, однако не хочу, чтобы ты прочла, как порой твой отец... не верит.

Отчаянье называют последним и главным инструментом дьявола, он использует его против самых стойких, когда предыдущие методы – гордыня, ревность, ненависть – бессильны.

Может, так оно и есть, но я уверен: нет людей, не переживающих по временам отчаянье. Однако оно отступает, лишь стоит принять, что жизнь невозможна без печалей, потерь и что они преходящи.

Когда накатывает хандра, задерживаюсь на работе, замешиваю тесто для булочек. Прихожу домой, когда Мария спит. Переодеваюсь, выгуливаю Марса, дожидаясь утра и возвращаясь в пекарню, чтобы отвезти выпечку в ближай-

шие детские дома. Эти поездки помогают развеять ощущение бесполезности прожитых дней.

В молодости я заливал отчаянье алкоголем, прятался от него в шумных компаниях за завесой сигаретного дыма. Легче не становилось. Тогда выбрал уединение. Помогло.

Когда ты ушла, отчаянье стало приходить чаще, задерживаться дольше. Тяжело. Только бы твоя мама не почувствовала. Хотя порой мне кажется, она сама держится изо всех сил.

О чем мое отчаянье? О разном. О родителях, безжалостно отобранных войной. О голоде и смерти ни в чем не повинных детей. О книгах, сгорающих вместе с домами. О человечестве, не извлекающем уроков из повторяющихся ошибок. О людях, которые загоняют себя в одиночество, как только перестают делиться с окружающими своим теплом.

Мое отчаянье о том, что я не могу обнять тебя, дочь.

Я обязательно напому себе (не будет ли это обманом?), что могу обнимать тебя в воспоминаниях, что материальный мир – не преграда для любящих друг друга душ. Буду утешать этим Марию, когда увижу, как она плачет над твоей фотографией. Но сейчас мне ни во что не верится – ношу в

себе боль, протест. Быстрыми шагами брожу по берегу или пеку хлеб.

Мне нравится возиться с тестом, Досту. Ощущать его живое тепло, вдыхать аромат хлеба, хрустеть звонкой коркой. Знать, что испеченное мной съедят дети. Девочка с такими же веснушками, как у тебя. Эта мысль в отчаянные дни дает сил вернуться домой и жить дальше.

Скучаю. Папа

Живое не может оставаться неизменным

Досту,

в полдень побывали с Амиром в мечети. Сегодня день рождения его родителей. Они и умерли в один день, с разницей в три года. Похоронены на родине Амира, в деревушке с плантациями шершавой айвы.

Мой друг скучает по родителям и всему тому, что оставил на родной земле. Там седьмой год война между правительственными войсками и отрядами вооруженной оппозиции. Последние узаконили на подконтрольных им территориях рабство – и это теперь, в двадцать первом веке!

«Не могу вернуться из-за войны, да и жена с детьми против. Все кладбища в деревне разбомбили, людям негде навещать покойных. Хожу в мечеть, хотя не религиозен. Тут слышу голоса отца и матери четче, чем где-либо еще».

С возрастом человек задумывается о том, что последует за смертью. Согласно исламу, каждого мусульманина ждет

новая жизнь на небесах или в аду. Зависит от того, как прожил – праведно или грешно. Спрашиваю Амира, верит ли в загробную жизнь. «Не особо. И рай, и ад – на земле, как и все награды, наказания. Думаю, каждый там получит то, во что верил тут».

Пока Амир был в мечети, я прогулялся вокруг. Ожидавшие родителей дети играли в снежки, на их гомон с высоковольтных проводов слетали воробьи и кружились над малышней. Наш город прекрасен. Круглый год укутанный снегом, он и сам, как снег, – холоден, бел, красив.

На заднем дворе – каменные надгробья. Раньше тут хоронили духовных лидеров, считалось почетным быть погребенным у мечети. Я смотрел на могилы и думал, что жить здесь и сейчас все же самая верная форма бытия. Мы гости в этом мире, и у нас мало времени.

...Амир – человек удивительного спокойствия, и внешне-го, и внутреннего. Он младше меня на двадцать шесть лет, но его реакция на происходящее проста, смиренна, без бунта, громких вопросов – у меня так не всегда получается. Он созерцателен, но небезразличен.

Повседневность Амира проходит в одних и тех же действиях: он просыпается в полпятого утра, заваривает кофе с

кардамоном, готовит завтрак для домашних, уходит в пекарню, в обеденный перерыв играет на гитаре, вечером возвращается домой, плотно ужинает (на первое обязательно суп из оранжевой чечевицы), читает детям и ложится спать. На следующий день все повторяется.

Столь предсказуемый распорядок мне кажется скучным. Амир счастлив. Без объяснений, сравнений. Он долго шел к этому – жить в гармонии с собой, наслаждаться любовью к тому, что построил.

«Я много лет прожил на поводу у родительских желаний. Они были против „возни с тестом“. А я безумно любил пекарский труд, часами напролет наблюдал, как мама готовит лепешки с анисом или пирог из кукурузной муки. Отец поколачивал за такой интерес, таскал на скотобойню, хотел, чтобы я продолжил его дело».

Амира женили на троюродной сестре. Они прожили девять месяцев, девушка скончалась от малярии. «Не смог отцу с матерью сказать „нет“». Чувствовал себя обязанным».

После смерти родителей Амир снова женился: на девушке, которую любит всем сердцем.

Из-за войны пришлось покинуть деревню. Город вечной зимы принял Амира, тут он открыл пекарню, растит доче-

рей-близняшек.

Досту, перемены, пусть самые кардинальные, – лучшая приправа к жизни. Без них никак. Живое не может оставаться неизменным.

Скучаю. Папа

Притяжение между нами живет своей жизнью

Досту,

тут случаются и теплые дни. Как по расписанию, двадцатого марта выглядывает первое яркое солнце, в честь которого проводят праздник. Его главное угощение – матахари. Золотистого цвета изюмные булочки со сливочным вкусом. Вначале решил, что выпечка названа в честь танцовщицы. Оказывается, она ни при чем. Матахари на малайском языке означает «солнце».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.